

Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации

Е. Е. ЗАВЬЯЛОВА

(АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируется такой малый фольклорный жанр, как приметы; дается определение приметам, выделяются основания для их типологизации, предлагается универсальный вариант систематизации многообразных словесных формул.

Ключевые слова: приметы, фольклор, паремиология, универсальная систематизация, классификация примет.

Приметы — словесные формулы, представляющие собой одну из древнейших форм верований. Они начинают прогнозировать будущее человека еще до его появления на свет, сопровождают людей всю жизнь и даже после смерти продолжают что-то говорить о них.

Вера в приметы (оменализм) оказывается одной из самых жизнестойких форм религии, интенсивно влияя на сознание людей современной — информационной — цивилизации. При этом, несмотря на особую популярность обозначенной темы среди лингвистов, фольк-

лористов, литературоведов, до сих пор нет фундаментального, комплексного исследования примет.

Большинство ученых, рассматривающих приметы, не старается дать им научного определения. А. Н. Афанасьев пишет: «Примета всегда на какое-нибудь соотношение... между двумя явлениями мира физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени» (Афанасьев, 1988: 63). Однако, руководствуясь данным определением, к приметам можно отнести и формы типа «Играть ножом — к большому скандалу»¹, «Положишь верблюжьей шерстью под шесток — кикимору выживешь», которые приметами не являются.

По словам Е. Г. Павловой, примета — «паремия (предельно простой и легкий для восприятия текст) с доминантной прогностической функцией» (Павлова, 1984: 259). Но в этом случае к приметам следует причислять еще и «портретные» формы, например, такую: «Редки зубы, дак вралея» (т. е. лгун). Подобное смешение жанров находим в работах И. И. Шкляревского, М. И. Шахновича, Ю. Д. Дмитриева и многих других.

С. А. Токарев указывает: в приметах «человек... вообще не действует, а только наблюдает происходящее вокруг него или в нем самом... и делает из этого суеверные выводы о будущем» (Токарев, 1990: 417). Это замечание позволяет выделить важнейший признак — отсутствие воздействия наблюдающего на объект наблюдения.

Принимая во внимание, что данные формы относятся к малому фольклорному жанру, получаем следующую формулировку: *примета — это малый фольклорный жанр, раскрывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями.*

Достаточно разнообразный паремический материал требует систематизации. В сборниках типа «Дни величальные», «Народный месяцеслов», «Круглый год», «Русские имена» подборка примет осуществляется по календарному принципу, т. е. сообразно времени года. На сайте Primeta.yaхu.ru, полностью

посвященном искомому паремическому формам, природные приметы распределяются по месяцам. Предельно унифицирован в этом смысле соответствующий раздел сайта TvinPIX. Перед интернет-пользователем появляется календарь и надпись «Выбрать дату народной приметы». Достаточно кликнуть нужный день, чтобы прочесть название дня по святкам и узнать о ритуалах, с ним связанных. Такое расположение облегчает использование форм в быту, но не раскрывает их сущности.

Похожий принцип систематизации — по объекту наблюдения. Например: 1. Небо, 2. Солнце, 3. Луна, 4. Заря, 5. Радуга, 6. Гроза, 7. Роса, 8. Снег, 9. Лес, 10. Птицы, 11. Животные и т. п. (Народный..., 1992). Большинство суеверных примет, известных в средневековой Руси, было заимствовано из переведенных в XV в. византийских рукописей и также компоновалось по типу полученной информации: «Громник» — сборник гаданий по грому, «Молнияник» — по молниям, «Астролог» — по звездам, «Лунник» — по луне, «О днях и часах добрых и злых» — по дням и часам, «Путник» — по встречам, «Вороноград», «Птичник», «Куроглашенный» — по крику или полету птиц, «Мышеписк» — по мышам, «Сонник» — по снам, «Трепетник» — по дрожанию, миганию, чиханию человека (Шахнович, 1984: 127). Тот же принцип используется и в интернет-сети, например на сайте Primety.net, разделы которого называются «Приметы о вещах», «Приметы о деньгах», «Приметы о дороге», «Приметы о животных», «Приметы о подарках», «Приметы о цветах», «Свадебные приметы» и т. п.

М. И. Шахнович предлагает классифицировать приметы по видам магии: производственные (охотничьи, рыболовецкие, земледельческие, скотоводческие, ремесленные), метеорологические и т. п. (там же). В том же направлении ведут свои разыскания И. Ю. Назарова (Назарова, 2007), Т. Б. Щепанская (Щепанская, 2010) и др. Подобные попытки предпринимались в русской культуре с XV в. Эту классификацию также необходимо отнести к тематическому типу. В. И. Чичеров распределяет приметы на бытовые обрядовые и тру-

довые календарные (Чичеров, 1957: 235), синтезируя обозначенные подходы.

Еще один опыт систематизации — на основе достоверности сообщаемых фактов, с учетом происхождения форм. А. Н. Афанасьев делит приметы на два вида: выведенные из действительных наблюдений; суеверные, в основе которых лежит не опыт, а мифическое представление (Афанасьев, 1988: 63). Его последователи выделяют «достоверные» приметы, подтверждающиеся опытом, практикой, и «колдовские», базирующиеся на вере в существование сверхъестественных сил. Изредка называют и третью группу — «ошибочные» приметы, созданные в ходе неверных наблюдений (Шахнович, 1984: 150). На наш взгляд, выделение третьей группы неправомерно, так как «ошибочные» приметы не могут функционировать долгое время. В. К. Харченко особо оговаривает этот момент: «Народная примета... проверенное многократными наблюдениями или традиционно принятое и передаваемое из поколения в поколение предсказание событий...» (Харченко, 1992: 78).

Разделение примет на достоверные и колдовские не всегда объективно выявляет общие закономерности. К примеру, существует примета: «Если весной или в начале лета пройдут грозовые дожди, урожай будет хороший». По А. Н. Афанасьеву, она должна быть причислена к классу суеверных примет, так как гроза у древних славян олицетворяет божье знамение, а «вода, в которую брошена «громовая стрелка», получает животворящее свойство» (Афанасьев, 1988: 74). Однако ученые доказали, что грозовой дождь — электрические атмосферные разряды, при которых азот воздуха образует химические соединения. Соединения растворяются в дождевой воде, превращаются в азотную кислоту слабой концентрации, которая реагирует с природными минералами и высвобождает питательные вещества, в том числе фосфор и калий, необходимые для бурного роста и развития растений. Таким образом, эта примета получает серьезное научное обоснование. Другой пример — соотношение правой и левой сторон в суевериях. Ученые ставят под сомнение их надуманность, ссылаясь на нейропсихологическую

теорию мозговой организации высших психических функций, сформулированную А. Р. Лурия, на асимметрию человеческого мозга (Иванов, 1978: 184). Магия и экстрасенсорика, наконец, вообще рассматривают Землю как живой организм, где любое событие имеет свою опосредованную копию. Существует понятие трансинтелигибельности примет, т. е. их расположения вне сферы разума. В целом степень правдивости примет для разных людей различна, так как соотносится с их знаниями, жизненным опытом, принципами. Следовательно, производить подобную классификацию весьма затруднительно.

Принципиально важно свойство, отмеченное Т. Г. Никитиной: «данные паремии, как известно, состоят из двух частей: первая часть обычно отражает наблюдаемый факт... на основе которого строится прогноз, передаваемый во второй части... Адекватная тематическая систематизация примет, в отличие от паремий других типов, непременно должна быть двухмерной, учитывающей как сферу прогноза, так и сферу наблюдения» (Никитина, 2010: 102).

Е. Г. Павлова относит к приметам не только «прогнозы», не зависящие от человеческого волеизъявления, но и приметы мантического («осознанно гадательного») характера, своеобразные «правила», в которых помимо прогноза можно найти функциональные признаки совета или запрета. Поэтому ее классификация включает в себя и другие паремии. Интересующие нас формы Е. Г. Павлова подразделяет на две группы (Павлова, 1984):

1) «природные» и «человеческие». В природных прогнозирование совершается как без волеизъявления человека, так и без его участия («Зима снежная — лето дождливое»). В человеческих прогнозирование совершается без волеизъявления человека, но с его участием («Соль просыпать — к споре»);

2) «естественные» и «суеверные». В естественных природных явления прогнозируются самими же природными явлениями («Гром в сентябре предвещает теплую осень»). В суеверных прогнозируется человеческая жизнь вне зависимости от ее аспекта и от того, чем

она прогнозируется («Дерево, распустившееся раньше срока, к радостному событию»).

Это наиболее продуманная классификация, но и в ней можно найти некоторые недочеты. Так, примета «Пальцы болят — к ненастью» согласно Е. Г. Павловой причисляется к человеческим. Тем не менее данный признак напрямую связан с природными явлениями, с метеозависимостью живых организмов.

Анализируя практический материал, т. е. паремии как таковые, — а этот принцип систематизации видится нам наиболее целесообразным, — легко обнаружить, что все многообразие примет можно вмести́ть в четыре схемы (табл. 1).

Соответственно к природным будут относиться формы I и IV, которые имеют научное обоснование, связанное с законами природы. Например: «Воробьи в пыли купаются — к дождю», так как клещи в их перьях спешат пообедать в предчувствии непогоды; «Если зажженная лучина трещит и мечет искры, то ожидай ненастья», так как воздух влажен и дерево отсырело.

К бытовым относятся формы всех четырех типов, а от природных они отличаются «необоснованностью» в узком, естественно-научном смысле. Например:

I. *Природное явление*, значит — *природное явление*. «Рыжая корова, идущая вечером впереди стада, предвещает ясную погоду на следующий день, а черная — ненастье». Эту примету можно объяснить цветовой символикой древних славян, но никак не законами природы.

II. *Природное явление*, значит — *бытовое происшествие*. «Большой урожай рябины —

к оспе». Эту примету также нельзя объяснить с помощью физических, химических, биологических и прочих «естественных» закономерностей. Но здесь налицо лексическая омонимия слов «рябина» в значении дерева и «рябина» в значении знака, оставляемого на теле оспой. Есть предположение, что из этого созвучия и родилась примета.

III. *Бытовое происшествие*, значит — *бытовое происшествие*. «Потерял обручальное кольцо — брак недолог», ведь кольцо — символ единства, верности и преданности.

IV. *Бытовое происшествие*, значит — *природное явление*. «Уши чешутся — к дождю». Научного обоснования этой приметы, во всяком случае пока, не существует. Поэтому нужно отличать ее от похожих природных («С утра зевота — значит погода сломается»).

По количеству преобладают «чистые» формы: среди природных примет — I тип, а среди бытовых — III тип.

Однако и эта предложенная классификация не может быть признана универсальной. Как уже указывалось выше, материал слишком разнороден. Например, к группе природных примет относят формы: «Если на Голодную кутью будет метель — то же самое будет и на Масленицу», «Если бурьяны выросли очень высокие — будет много снега», «Душное марево — предтеча грозы», «Крылатые муравьи показались — сей овес». Столь же пестро выглядит и группа бытовых примет: «Дрожь в ресницах — к худу», «В субботу чихнул — к исполнению желания», «Паук повис перед глазами — к вестям», «Кто на Льва Катанского заболел — умрет». Требуется

Таблица 1

ТИПЫ ПРИМЕТ

I	Природное явление ==> природное явление	Луна покраснела — жди ветра-пострела Вода в реке делается теплее перед дождем
II	Природное явление ==> бытовое происшествие	Большой урожай рябины — к оспе Снег на Покров выпал — много свадеб в этом году будет
III	Бытовое происшествие ==> бытовое происшествие	Соль просыпать — к ссоре Кирпич выпал из печи — к худу
IV	Бытовое происшествие ==> природное явление	Свеча угасла — к перемене погоды Уши чешутся — к дождю

дальнейшее членение примет на менее объемные, узкие по значению подгруппы.

При изучении и сопоставлении форм выявляются особенности, позволяющие разграничить природные приметы на долгосрочные, простые и ориентировочные типы.

Сам термин «*долгосрочные*» говорит о том, что рассчитаны такие приметы на значительный промежуток времени. Мы отмечаем для себя какую-либо примету и делаем выводы на несколько недель, месяцев и даже лет вперед. «Частые туманы в марте предвещают дождливое лето», «Гнилая осень к долгой зиме», «Первый сухой снег обещает хорошее лето», «Выпадет в мае три добрых дождя, то и хлеба на три полные года».

Простые («короткосрочные») приметы, напротив, предсказывают погоду в течение ближайших суток, а чаще нескольких часов. «Пауки работают — погода меняется», «Звезды падают — к ветру», «Ивняки зашумели — дождь идет», «Снег прилипает к деревьям — тепло будет», «Клонит ко сну — к ненастью».

Ориентировочные приметы — своеобразный сигнал, предполагающий ответное действие. «Если с крыш капает, охотнику надо собираться на охоту на зайцев», «Если сверчок кричит — время пахать под рожь», «В цвету трава — косить пора».

Больше всего в употреблении простых примет, на втором месте по распространенности — приметы долгосрочные, ориентировочные примет мало.

Бытовые приметы можно разделить на субъективные и объективные. *Субъективные* отмечаются по ощущениям человека, пытающегося предугадать будущее, или по оплошностям, этим человеком допускаемым. «В чужом доме поперхнешься — через год снова туда попадешь», «Ногти цветут — к подарку или обнове», «Кончик носа чешется — в рюмку смотреть». К этой группе целесообразно отнести так называемые чихалки, а также толкования сновидений.

Объективные приметы отличаются от субъективных тем, что происходят независимо от действия и ощущений человека, отмечающего их, а по «вине» другого человека, животного или предмета. «Труп становится упы-

рем, если через него перепрыгнула кошка», «Муха попала в пищу — к подарку», «Каша из горшка вылезает из печи — к худу, в печь — к добру», «Слепца встретишь — сгорит что-нибудь».

Особенностью бытовых примет является то, что сроки исполнения указываются крайне редко. Поэтому их нельзя отнести ни к простым, ни к долгосрочным. Что касается количественного соотношения, то объективные приметы преобладают над субъективными.

Среди бытовых примет существует не совсем обычная разновидность: формы, которые указывают на явление, происходящее параллельно с отмечаемым, а не долженствующее произойти. Упоминание об отсутствующем человеке передается этому человеку. Больше таких примет в группе субъективных: «Уши горят — над тобой кто-то подсмеивается» (в тот момент, когда горят уши), «Язык укусить — кто-то бранит» (когда укусил), «Позевается — твои спать ложатся либо ужинать садятся» (когда зеваешь). Есть и объективные: «Если найденная булава лежит к тебе головой, вспомнил приятель, если острием — замышляет враг», «Лошадь дорогой распряжется — в доме нездорово и жена неверна». Все эти формы содержат выводы о поведении людей, так или иначе связанных с наблюдателем (родственников, друзей, врагов, малознакомых собеседников). Поскольку действие, совершаемое ими, по времени превышает тот промежуток, в течение которого субъект отмечает примету, то его условно можно отнести и к будущему (враг, например, замышляет не те несколько секунд, которые нужны, чтобы обнаружить булаву). Поэтому все эти образцы, без сомнения, относятся к жанру примет.

Следует отличать такие формы от обычных. В них явление, на которое указывается, может тоже происходить параллельно с отмечаемым, но результат, ради которого дается информация, всегда ожидается в будущем: «Мертвец лежит с открытыми глазами — высматривает спутника» (т. е. скоро кто-то умрет), «Кошка моется к себе лапкой — гостей намывает» (т. е. скоро придут гости).

Существует еще один тип примет — фиксированные. Они закреплены за каким-то опре-

деленным временем и не действуют в другие дни. Например: «Если на Новый год небо звездное — к урожаю», «Если молодой обвеваётся ветром, весь месяц будет ветреным», «Если гуси улетают на Семен-день, жди ранней зимы», «Кто на первый день Пасхи что-то разобьет, умрет в тот год» и т. д. Как видно из примеров, фиксированные приметы могут быть и природными, и бытовыми. Исключены лишь простые природные фиксированные приметы, поскольку это, как уже было отмечено, формы, не предполагающие предсказания на длительный срок.

Природные долгосрочные фиксированные приметы: «Иней на Николу сулит урожай», «Каковы Мiroны, таков и январь». Природные ориентировочные фиксированные приметы: «Если на Спиридона с утра будет солнечно, то не спеши с ранним севом», «С Плющихи первые оттепели — сей капусту». Бытовые субъективные фиксированные приметы: «Каково Благовещение, таково и весь год», «Если на Новый год кто чихнет, то к своему благополучию». Бытовые объективные фиксированные приметы: «Если на Рождество первой войдет в хату чужая женщина — весь год бабы той хаты хворать будут», «Если на Покров ветрено — будет большой спрос на невест». Фиксированные природные приметы в количествен-

ном отношении преобладают над фиксированными бытовыми. Особенно их много в подгруппе долгосрочных.

Исходя из временной проекции, все фиксированные приметы можно разделить на четыре вида:

1) день — день («Если шестого декабря моросит снег и ветер с севера, то шестого июня будет ветер с севера и дождь побрызгает»); исстари было подмечено повторение погоды через 175–177 дней — спустя лунное полугодие;

2) день — месяц («Каков Степан, таков и сентябрь»);

3) день — сезон («В полдень на Афанасия солнце — весна ранняя»);

4) день — год («Если Рождество на новом месяце, то год будет неурожайным», «Первого января изобилие — весь год изобилие»; по первому дню года («старого» и «нового»), Пасхи, по празднику Рождества Христова и сегодня судят о дальнейших событиях.

Изложенную выше классификацию мы приводим в табл. 2.

Жизнеспособность обозначенной системы определяется, на наш взгляд, ее универсальностью и разветвленностью. Практически каждая примета может быть идентифицирована с помощью предлагаемой классификации.

Таблица 2

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИМЕТ

<i>Приметы</i>				
<i>природные</i>			<i>бытовые</i>	
долгосрочные (в том числе фиксированные формы)	простые	ориентировочные (в том числе фиксированные формы)	субъективные (в том числе фиксированные, толкования сновидений, «чихалки» и пр.)	объективные (в том числе фиксированные формы)

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее в качестве примеров используются тексты, отобранные из паремиологических сборников XIX–XXI вв., интернет-сайтов, СМИ, устной речи (фиксации последних 20 лет).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев, А. Н. (1988) Живая вода и вещее слово. М. : Советская Россия.

Иванов, В. В. (1978) Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М. : Советское радио.

Назарова, И. Ю. (2007) Приметы в профессиональной сфере // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М. : ООО «Вариант» ; ЦСПГИ. С. 295–312.

Народный месяцеслов (1992): пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года

и о погоде / сост. и авт. ввводн. текстов Г. Д. Рыженков ; вступ. ст. и словарь А. Н. Розова. М. : Современник.

Никитина, Т. Г. (2010) Народная примета в лексикографическом отображении // Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина. Л / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб. : Филологический факультет СПбГУ. С. 102–108.

Павлова, Е. Г. (1984) Опыт классификации народных примет // Паремнологические исследования / сост. Г. Л. Пермяков. М. : Наука. С. 294–299.

Токарев, С. А. (1990) Ранние формы религии. М. : Политиздат.

Харченко, В. К. (1992) Язык народной приметы // Русский язык в школе. № 1. С. 78–82.

Чичеров, В. И. (1957) Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. М. : Изд-во АН СССР.

Шахнович, М. И. (1984) Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. Л. : Лениздат.

Щепанская, Т. Б. (2010) Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб. : Наука.

Дата поступления: 11.12.2012 г.

**SUPERSTITIOUS BELIEFS AS A FOLKLORE
GENRE: AN EXPERIENCE
OF SYSTEMATIZATION**

E. E. Zavyalova

(Astrakhan State University)

The article analyzes such a small folklore genre as superstitious beliefs. The author gives a definition of this term and reveals the foundations for the typology of proverbial signs. A universal version of the systematization of diverse verbal formulas is proposed.
Keywords: *superstitious beliefs, proverbial signs,*

folklore, paremiology, universal systematization, classification of proverbial signs.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Afanas'ev, A. N. (1988) Zhivaia voda i veshchee slovo. M. : Sovetskaia Rossiia.

Ivanov, V. V. (1978) Chet i nechet. Asimmetriia mozga i znakovykh sistem. M. : Sovetskoe radio.

Nazarova, I. Iu. (2007) Primety v professional'noi sfere // Professii.doc. Sotsial'nye transformatsii professionalizma: vzgliady snaruzhi, vzgliady iznutri. M. : OOO «Variant» ; TsSPGI. S. 295–312.

Narodnyi mesiatsestov (1992): posloviitsy, pogovorki, primety, prislov'ia o vremennakh goda i o pogoде / sost. i avt. vvводn. tekстов G. D. Ryzhenkov ; vstup. st. i slovar' A. N. Rozova. M. : Sovremennik.

Nikitina, T. G. (2010) Narodnaia primeta v leksikograficheskom otobrazhenii // Mezhhkafedral'nyi slovarnyi kabinet imeni prof. B. A. Larina. L / отв. ред. А. S. Gerd, E. V. Puritskaia. SPb. : Filologicheskii fakul'tet SPbGU. S. 102–108.

Pavlova, E. G. (1984) Opyt klassifikatsii narodnykh primet // Paremiologicheskie issledovaniia / sost. G. L. Permiakov. M. : Nauka. S. 294–299.

Tokarev, S. A. (1990) Rannie formy religii. M. : Politizdat.

Kharchenko, V. K. (1992) Iazyk narodnoi prime-ty // Russkii iazyk v shkole. № 1. S. 78–82.

Chicherov, V. I. (1957) Zimnii period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendaria XVI–XIX vv. M. : Izd-vo AN SSSR.

Shakhnovich, M. I. (1984) Primety vernye i su-evernye. Ateisticheskie ocherki narodnogo znaniia i bytovogo sueverii. L. : Lenizdat.

Shchepanskaia, T. B. (2010) Sravnitel'naia etnografiia professii: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody (Rossia, konets XX — nachalo XXI v.). SPb. : Nauka.

Аutoreфераты диссертаций

Копеева, Е. В. Эволюция политических режимов в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук [Текст] / Копеева Екатерина Владимировна; 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии. — М., 2013. — 22 с.